

DOI: 10.18572/2687-0339-2025-1-21-31

Пространство веры: иерархия локусов в «Загробных песнях» К.К. Случевского

Чэнь Фанмин,

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: fangming1378@gmail.com

Данная статья посвящена творчеству К.К. Случевского и комплексному анализу его поэтической книги «Загробные песни». Основная задача работы — исследовать иерархию локусов и определить роль «пространства веры» в этом произведении. Анализируются лексика, метафорика и стилистические приёмы, использованные автором для формирования «пространства» потустороннего мира. Реконструирована структура «пространства веры» в «Загробных песнях». Акцентируется внимание на особенностях композиции и нарративной структуре произведения, характеризующих уникальность построения Случевским поэтического текста. Работа вносит вклад в изучение данной поэтической книги, предоставляя её новую интерпретацию.

Ключевые слова: Случевский, «Загробные песни», пространство веры, иерархия локусов.

Введение

Актуальность исследования поэтической книги «Загробные песни» К.К. Случевского обусловлена уникальным изображением автором метафизического пространства потустороннего мира, отражающим духовные искания, характерные для русской культуры начала XX века. Целью данного анализа является всестороннее исследование изображения пространства потустороннего мира в «Загробных песнях», включая разработку иерархии локусов, представленных в этой поэтической книге, и оценку того, как личные убеждения и мировоззрение поэта повлияли на их литературное воплощение. Особое внимание уделяется анализу текста отдельных стихотворений для выявления специфики художественного пространства, созданного в этой книге, и его значимости для понимания концепций «пространства веры» в контексте литературной традиции. К задачам данной статьи относится изучение лексики, метафорики и стилистических приёмов, взаимосвязей между личным опытом по-

эта и его творчеством, влияния религиозных воззрений автора на его видение мира. Научная новизна работы заключается в скрупулёзном разборе «Загробных песен», иерархии локусов, формирующих «пространство веры». Применение таких методов, как детальный текстовый анализ и изучение биографического контекста, способствует глубокому пониманию языковых и стилистических особенностей «Загробных песен», а также раскрывает новые перспективы для анализа метафизического содержания и духовных исканий в творчестве Случевского. Практическая значимость проводимого исследования заключается в предложении нового взгляда на пространственный анализ поэтического текста, что может быть полезно при изучении русской поэзии начала XX столетия. Методологическая база исследования включает комплексный подход, объединяющий текстовый анализ и биографический контекст, что позволяет глубже проникнуть в смысловые слои произведения поэта и раскрыть многоаспектность его художественного мира,

особенно в контексте «пространства веры» и его метафизического измерения.

История создания книги «Загробные песни»

Константина Константиновича Случевского (1837–1904) обычно причисляют к безвестным, а точнее — незаслуженно забытым авторам, хотя это был талантливый и необычный для второй половины XIX в. поэт, обладавший, по мнению Вл. Соловьёва, особым импрессионизмом мысли. Соловьёв так и озаглавил статью, посвящённую Случевскому: «Импрессионизм мысли» (1897) [Соловьёв 1913: 77–83], назвав его «настоящим, неподдельным поэтом, всегда своеобразным и иногда глубоким» [Соловьёв 1913: 77]. По мнению большинства исследователей, Случевский в своем творчестве продолжил традиции философской лирики Боратынского и Тютчева, став одним из предшественников Серебряного века.

Книга «Загробных песен» создавалась Случевским в начале 1900-х годов в его имении «Уголок», где он, страдая от болезней и утраты зрения, размышлял о приближении конца жизни. Творческая настойчивость, с которой работал поэт над этим произведением, позволяет утверждать, что эти стихи стали для него своего рода «книгой-дневником», в которой он выразил свое видение загробного мира и личностного бессмертия. Вот почему «Загробные песни» особенно важны для понимания и личности Случевского, и его метафизических исканий [Домогацкая 2003: 77–80].

Книга состоит из трёх циклов: первый — «Смерть и бессмертие» — был опубликован в журнале «Новый путь» в 1903 году, а второй и третий — «Загробные песни» и «В том мире» — напечатаны в журнале «Русский вестник» в 1902–1903 гг. В конце 1950-х годов некоторые стихи из «Загробных песен» были перепечатаны в эмигрантских журналах «Возрождение» и «Грани». О внимании к этим текстам в середине XX века свидетельствует

и предпринятое в 1968 г. Дм. Чижевским издание книги «Забытые стихотворения», в которой составитель объединил два последних цикла, упустив из вида цикл «Смерть и бессмертие».

В «Загробных песнях» поэт исследует тему послесмертия и странствий души умершего человека, выражая своё понимание загробной жизни, основанное на сложившихся у него представлениях и философских размышлениях о существовании за пределами физического мира. В работах Е.А. Тахо-Годи «Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне» [Тахо-Годи 2000: 400] и А.Ю. Ипполитовой «Случевский: философия, поэтика, интерпретация» [Ипполитова 2006: 320] особое внимание уделяется роли «Загробных песен» в понимании поэтического наследия Случевского. В отличие от этих исследований, настоящая статья фокусируется на иерархии локусов в указанной поэтической книге и на анализе «пространства веры», что позволяет выявить новые аспекты взаимосвязи литературы и религиозно-философских исканий.

Говоря об истории создания книги, нельзя не вспомнить, что уже в ранней лирике Случевского очевиден интерес поэта к потустороннему миру (например, стихотворение «На кладбище», опубликованное Н.А. Некрасовым в журнале «Современник» в 1860 г.). Вместе с тем, нужно подчеркнуть связь «Загробных песен» и с общим контекстом русской культуры конца XIX — начала XX века, когда внимание к метафизическим вопросам и проблемам веры вышло на первый план, что нашло отражение в литературе, философии и искусстве [Ольшевская-Хатценбёллер 2020]. Таким образом, «Загробные песни» выходят за рамки личной лирики и приобретают значение культурного документа. Рассматривая поэзию как рупор для выражения религиозных взглядов, Случевский вписал своё творчество в более широкий дискурс о вере и бессмертии, актуальный для эпохи русского религиозного ренессанса начала XX столетия.

Композиция книги

Анализ «Загробных песен» Случевского, осуществленный через призму их композиции и поэтики, открывает новые грани понимания уникальности данного произведения. Важным аспектом исследования является использование системы локусов, что предполагает применение структуралистского подхода. Для детализации художественного пространства книги мы опираемся на методы, предложенные Ю.М. Лотманом. Ю.М. Лотман определяет локус как элемент мифологического пространства, которое представляет собой не непрерывный континуум, а совокупность изолированных объектов с собственными именами. В таком пространстве перемещение между различными локусами не подчиняется обычным законам времени и может происходить мгновенно [Лотман 1992: 63].

Особое внимание заслуживает понятие локуса, введенное С.Ю. Неклюдовым в контексте литературоведения. С.Ю. Неклюдов определяет локус как «общее место» (*locus communis*), имея в виду типичные ситуации, образы и мотивы в художественном тексте [Неклюдов 2004: 236–247].

Каждый из трёх циклов, входящих в книгу «Загробные песни», представляет различные уровни пространства и символизирует различные стадии странствия души после смерти. Названия циклов уже сами по себе обращены к трансцендентному пространству, создавая в сознании читателя ожидания рассказа о существовании мира, в который душа попадает после жизни. Вместе с тем книгу «Загробные песни» можно воспринимать как литературное путешествие поэта, символизирующее различные этапы его самопознания и духовных поисков.

Первый цикл «Смерть и бессмертие» можно рассматривать как введение в общую тематику всей книги «Загробные песни». Здесь ключевым элементом является «Нирвана», маркирующая стремление к абсолютной гармонии и углублён-

ному восприятию мироустройства через отрешение от мирских проблем:

Мне обиход земли так страшно надоел
Что ежели сквозь смерть и весь её туман
Один мне только путь в одну из всех

Нирван, —

То даже и тогда, поистине скажу,
Я, тем что я живу, совсем не дорожу.
И должен я сказать, всей правды не тая,
Что жизнерадостен, здоров и крепок я;
Разочарованности нет во мне следа,
Смеюсь и веселюсь и счастлив иногда...
(I «Смерть и бессмертие») [Случевский 2004: 347]

Здесь речь идёт о пространстве веры, где автор находит утешение и спасение, преодолевая ограничения физического мира. Многократное использование Случевским слова «верю» в этом цикле не только подчеркивает его убеждённость в существовании духовного мира, но и отражает его стремление к принятию загробного существования. Эта часть книги знаменует собой начало путешествия поэта в поисках ответов на вечные вопросы о смысле жизни и смерти, о природе души и о её судьбе после смерти. Как жить человеку в катастрофическом, нестабильном мире? Очевидно, что опорой для него могут стать духовные ценности. Как писал впоследствии Н.А. Бердяев: «Человек так устроен, что он может жить или верой в Бога, или верой в идеалы и кумиры» [Бердяев 1990: 75–79]. Перед лицом неизбежной реальности смерти люди часто обращаются к религии за утешением и руководством. Могила становится неизбежным концом, а вера — мостом за грань смерти, позволяющим понять её смысл. По мнению Случевского, на грани жизни и смерти только вера в бессмертие души является ярким светом, освещающим человека путь:

По мне весь мир, что существует,
Не только в будущем минует,
Но убывает, что ни час,
А люди, легшие в могилы —
Установившие силы,

И тот зажётся, кто погас! (X «Смерть и Бессмертие») [Случевский 2004: 354]

Таковыми суждениями Случевский подготавливает почву для более глубокого погружения в метафизические размышления, представленные в «Загробных песнях».

Второй цикл «Загробные песни» (одноимённый всей книге) представляет собой комплексное исследование загробного бытия, разделённое на четыре основных части: «Болезнь. Смерть. Первые впечатления», «Мой “Дневник” аналогий, тождеств, параллелей, оставленный в столе», «Характеристика бытия душ», а также переходный момент, символизируемый стихотворением «Ещё не знаю: кто я, где я?», который отмечает вхождение души в иное измерение. В первой части цикла основное внимание уделяется непосредственным ощущениям и переживаниям, связанным с болезнью, умиранием и первыми моментами после смерти, подчеркивается личный и эмоциональный аспект процесса смерти и отделения души от тела. Вторая часть, «Мой “Дневник” аналогий, тождеств, параллелей», переносит читателя в область более абстрактных размышлений, где Случевский намечает связи и параллели между жизнью и смертью, физическим и духовным через серию аналогий и метафор. В «Характеристике бытия душ» автор фокусируется на судьбах и состоянии душ в загробном мире, описывая их переживания и трансформации в пространстве вечности и бессмертия. Стихотворение «Ещё не знаю: кто я, где я?» является ключевым в цикле, отражая ощущение неопределённости и поиска новой идентичности в неизведанном пространстве загробного мира, что подчёркивает переломный характер перехода из жизни в смерть. Цикл «Загробные песни» в целом создаёт многоуровневую поэтическую канву, в которой переплетаются личные переживания и универсальные философские размышления о смерти, судьбе души и возможности бессмертия, предлагая читателю глубокий и многоаспектный взгляд на вечные темы человеческого существования.

Третья часть книги, озаглавленная «В том мире», предлагает читателю углубиться в разнообразие загробного мира через три ключевых раздела: «Встречи», «Добро. Зло. Совесть» и «Мысли. Воспоминания. Надежды». В разделе «Встречи» рассказывается о сложности и многогранности постсмертных взаимоотношений душ друг с другом, описываются как радостные, так и печальные встречи, воссоздаются переживания, связанные с прошлой жизнью. Стихотворения раздела «Добро. Зло. Совесть» связаны с морально-этическими аспектами загробного существования, тут Случевский рассматривает вопросы добра и зла, влияние совести на земные поступки и осмысление их через призму вечности. В заключительном разделе «Мысли. Воспоминания. Надежды» представлены стихи, интроспективно отражающие внутренний мир души, её мысли и раздумья о смысле жизни и смерти, а также надежды и стремления в новом измерении бытия. Каждый раздел цикла «В том мире» вскрывает новые грани загробной жизни со своей иерархией пространственных локусов, выступает как сложное исследование постсмертного мира, как глубокий философский диалог о вечных вопросах бытия.

Исследователь творчества Случевского Е.А. Тахо-Годи указывает, что современникам была совершенно очевидна связь между «Загробными песнями» Случевского и «Божественной Комедией» Данте: «То, что “Загробные песни” — это оригинальная попытка создания новой, собственной “Божественной Комедии”, со своими персонажами, со своей биографией героя, своей географией загробного мира (впрочем, частично пересекающейся с дантовской), с новой, но вполне по-дантовски конкретной атмосферой конца XIX — начала XX веков — эпохи величайших научных открытий (атома, электрона, радиоактивности) — и оживившихся мистических веяний (спиритизма, оккультизма), было почув-

ствовано сразу же» [Тахо-Годи 2004: 20]. В том, что в своём творчестве Случевский вообще часто обращался к Данте, нет ничего удивительного: «Божественная Комедия» была ему столь хорошо знакома, что целые фрагменты из неё он помнил наизусть [Дантовские чтения 1996: 239]. «Да и сам поэт не скрывал своей ориентации на Данте — это нисколько не мешало ему оставаться самим собой», — замечает Е.А. Тахо-Годи [Тахо-Годи 2004: 20]. Недаром в «Загробных песнях» даже есть посвящённое Данте стихотворение: «Поэт великий Дант, умерший Гибеллин...» [Случевский 2004: 427]. При этом Е.А. Тахо-Годи подчёркивает, что загробный мир Случевского сильно отличается от описанного Данте: у Случевского в потустороннем мире за редким исключением нет ни цвета, ни звуков. Там преобладает некая духовная материя, бесцветная, полупрозрачная. И только души самых близких людей, не важно, живых или мёртвых, чётко видны и готовы к контакту:

Но в нас одно настроение,
В этом мы оба сродни,
Я — в бесконечном успении,
Ты — в краткосрочные дни!
Те же в нас чувства шевелятся,
Родственно вызваны в нас...
Мёртвый с живым ими делятся
В этот таинственный час...
(X «В том мире») [Случевский 2004: 405]

В приведённых строчках подчёркивается невидимая связь между душами, которая не зависит от того, живы обладающие ими люди или нет. Поэт говорит о единстве настроений и чувств, которые могут существовать между живыми и умершими, утверждая тем самым, что душевное родство не прерывается смертью. Это единство настроений и общность чувств создаёт особое «пространство веры», где стираются физические границы жизни и смерти, а духовное общение становится единственно возможным. Пространство веры в поэзии — это не просто физическая реальность, но

и метафизическое измерение, где взаимодействуют души, переживающие бесконечность и временность.

Идея бессмертия была очень важна для поэта, убеждённого, что смерть — это не конец, а необходимый путь к новой жизни. «Он не верил в смерть, — вспоминал писатель А.Е. Зарин. — Душа бессмертна и, вселяясь в телесные оболочки, она проходит только этапы на длинном пути непрерывного совершенствования, пока не дойдёт до слияния с бесконечностью. При своём бессмертии душа, покинув земную оболочку, в состоянии видеть и оценить всё пережитое ею на земле, но не в силах — даже на миг — материализовать свою оболочку, чтобы явиться в образе умершего... — Смерти нет! — закончил он убеждённо, и лицо его просветлело. <...> Потом он стал писать ряд стихотворений, печатавшихся в «Русском Вестнике», в которых излагал в прекрасных формах всё передуманное им и которые должны были составить цельное, стройное, очень своеобразное учение» [Зарин 1904: 493]. Воспоминания А.Е. Зарина раскрывают уникальное понимание Случевским смерти и загробной жизни, и эти идеи нашли полное отражение в его поэтическом творчестве: душа бессмертна, она перевоплощается в телесных оболочках, постоянно совершенствуясь, пока не сольётся с бесконечностью. Это понимание смерти и загробной жизни придаёт поэзии Случевского уникальное философское содержание и духовную силу.

Иерархия локусов в «Загробных песнях»

В поэтической книге «Загробные песни» мы можем выявить и описать представленную у Случевского «географию» загробного мира. Эта «география» тесно связана с иерархией наиболее значимых локусов, которые формируют многоуровневый образ загробного мира. Анализ ключевых стихотворений книги позволяет выделить эти локусы и упорядочить по степени их значимости и в зависимости от этапов путешествия души по загробным

пространствам (см. Приложение 1 в конце статьи). При этом каждый локус имеет и символическое значение: могила символизирует связь между жизнью и смертью, дверь представляет собой границу, порог между двумя мирами — реальным и загробным, путь указывает на переход от материального мира к духовному или сверхъестественному существованию. Ад представляет собой самую нижнюю часть подземного мира, где заключены души величайших грешников, а рай символизирует духовное восхождение к высшим моральным ценностям и к самому божеству. То, как Случевский изображает эти ключевые символические локусы, мы можем отчётливо увидеть, например, в восьмом стихотворении из цикла «Загробные песни» (VIII «Загробные песни» [Случевский 2004: 362]).

Символика слова «могила» в поэтической книге «Загробные песни» Случевского охватывает широкий спектр значений, от реалистического образа до метафоры и символа. Как писал философ А.Ф. Лосев: «Если идейная образность вещей является их поэтическим отражением, перед нами реалистический образ или тип... Если она только ещё принцип порождения какой-то действительности <...> перед нами символ» [Лосев 1995: 168]. В стихотворении II из цикла «Смерть и бессмертие» символика могилы маркирует вступление в «пространство веры», соединяя физический и метафизический миры: «Мира духовного существования // И бытия за могилою в нём» [Случевский 2004: 348]. Здесь могила символизирует не только конец земного существования, но и начало духовного пути души. В этой части, особенно в стихотворении XXI из цикла «Загробные песни», могила представлена как критический момент, открывающий «выход к правде», доступный только после смерти, когда «человек не уничтожен» [Случевский 2004: 379]. Это подчёркивает переосмысление земных ценностей и осознание глубинных истин после смерти. В стихотворениях III

и LXXIII из цикла «В том мире», могила выступает как метафора конечности жизни и одновременно как символ освобождения души: «К своим могилам часто в гости // Из разных мест стремимся мы» [Случевский 2004: 403] и «Один из страхов перед смертью — // Тьма, одиночество могил» [Случевский 2004: 446]. Здесь могила отражает движение души к пониманию и принятию смерти как неотъемлемой части жизненного цикла. В «Смерти и бессмертии» могила представлена как врата в иное измерение, в цикле «Загробные песни» — как момент истины и осознания, а в цикле «В том мире» — как часть пути к освобождению души и пониманию сущности бытия. «Могила» в книге символизирует не только физическую смерть, но и духовное возрождение, переосмысление жизненных ценностей и стремление к высшим истинам. В многоуровневом загробном мире, созданном поэтической фантазией Случевского, могила является ключевым элементом, фиксирующим общность земного и потустороннего мира.

Значимую роль в книге играет и образ двери, символизируя переход, границу между различными состояниями бытия и пространствами. Недаром у Случевского возникают следующие строки: «Мне дверь была видна! // Та дверь, к которой всё безмолвно устремлялись, — // До осязаемости сознательно-ясна! Что там? За дверью?» (LXXVI «В том мире») [Случевский 2004: 447]. В них отражено стремление к пониманию и переживанию того, что лежит за гранью видимого и осязаемого мира — за порогом реальности. Или другой пример:

Вот, я вижу, стоит у дверей Сатана,
Видит робость твою и смеется!..
Врач в палату вошел, язвы смерти
обмыл,

Вдохновлен он, и смел, и разумен...

Видю я, — отошел от дверей Сатана,

В дикой ярости зол, но бесшумен
(XIX «В том мире») [Случевский 2004: 413].

Вижу, — мыслит;
Мысль могу я прочесть:
Как же может Преподобный
Вдруг ко мне сюда предстать?
Он высокий, он до неба!

Эта дверь ему мала... (XXII «В том мире») [Случевский 2004: 414].

Дверь в «Загробных песнях» может рассматриваться как метафора перехода из жизни в смерть, из земного мира в загробный, нематериальный, духовный, где земные формы теряют свою определённую и растворяются, где привычная реальность трансформируется. Вместе с тем дверь/порог — это символ перехода в новое духовное измерение или выхода на новую стадию познания, из материального мира «законов тяготения» в «пространство веры».

В русской литературе локус «пути» — это мощный символ, используемый для исследования тем самопознания, судьбы, исторической предопределённости и духовного поиска. Он проявляется в многочисленных произведениях, от фольклора и поэзии до романов и драматургии. В фольклоре «путь» часто связан с героическими подвигами и странствиями в поисках истины или любви. Так было в былинах с Ильёй Муромцем и другими богатырями, преодолевавшими бесконечные препятствия на своём пути. В поэзии, например у Пушкина, «путь» — это не только буквальное путешествие, но и метафора жизненного пути, наполненного размышлениями о судьбе и о смысле жизни. В прозе, например в «Войне и мире» Толстого, «путь» — это не просто передвижение персонажей в пространстве, но и их внутреннее развитие, духовные и эмоциональные странствия через испытания войны и мира. У Достоевского «путь» часто связан с мучительным духовным поиском, стремлением к истине и борьбой с внутренними демонами, рассматривается не в прямом, а в символическом, переносном значении. В.Н. Топоров отмечает, что «динамический образ пути отвечает глубинному соотношению

особенностей человеческого восприятия мира» [Топоров 1994: 352]. И Случевский продолжил эту традицию.

В книге «Загробные песни» «путь» — это не то, что можно найти во внешнем мире, для поэта истинный путь является неотъемлемой составляющей человеческих помыслов: «Вот, хоть бы, числа! их нигде не отыскать, // Нигде нет их семян и гнёзд их не найти, — // Но людям нет без них разумного пути» (II «Загробные песни») [Случевский 2004: 369]. Это похоже на выбор пути исследования неизведанных земель, требующий внутренней силы, поскольку мысль и творчество не могут быть ограничены внешним миром: «Мысль, из себя развиваясь, сама ставит цели, // Сферу сама создаёт, в ней пути пролагает!..» (XI «Загробные песни») [Случевский 2004: 374]. Они коренятся внутри каждого человека, и каждый сам определяет свои цели и создаёт свой мир. Путь, с такой точки зрения, также включает в себя стремление к новым знаниям: «Зренью вдохновенному нет пути запретного, // Нет и непосильного; // Если канава в пути возникает у ног, // Делает путник, подумав, возможный скачок...» (XXVII «Загробные песни») [Случевский 2004: 382]. Эти строки могут быть интерпретированы как выражение убеждения поэта в существовании иной реальности, доступной силе мысли и воображения. Поэт убеждён, что человеческий разум способен преодолеть физические ограничения и исследовать неограниченные пространства духовного и интеллектуального мира.

Е.А. Тахо-Годи отмечает, что «Ад» Данте — это та часть «Божественной комедии», которая больше всего интересует Случевского. При этом она указывает, что дантовские описания мучений и истязаний тех, кто оказался в аду, абсолютно чужды Случевскому: «Там души тёмные в безвременье ютятся; // Им, мрачным, по сердцу пространств беззвучных глушь; // Там незамеченными легче оставаться, // И вольной волею живут Там сонмы душ»

(IV «В том мире») [Случевский 2004: 401]. Отказ Случевского от изображения адских страданий гармонирует с русской традицией отказа от описаний вечных адских мук. Случевский описывает ад следующим образом: «Прах проснулся! мятётся вблизи и вдали // В рокотаньи подземного гула. // И накинута Смерть на ближайшего к ней...» (VI «Загробные песни») [Случевский 2004: 361]. Эти строки отражают не только физическое возрождение праха, но и метафорическое пробуждение к духовному осознанию и ожиданию чуда спасения. Вместо изображения мучений в аду, стихи предвещают возрождение и ожидание пришествия Христа, пробуждение человеческой души к реальности высшего порядка, вне обыденного восприятия времени и пространства. Когда поэт говорит: «Волна огней подземная идёт // И слышен гул пришествия Христова... // Загробный мир его тревожно ждёт!» (XLV «В том мире») [Случевский 2004: 428], — речь идёт не об адском пламени, но об очищающем огне или даже свете истины, который проливается на подземный мир. Эта фраза содержит не ужас в ожидании сурового наказания, но надежду на искупление и обновление. Загробный мир здесь — не место вечных мук, но пространство, где вера и надежда на встречу с божественным приобретает физическую осязаемость. В контексте «пространства веры» эти стихи можно интерпретировать как выражение веры в возрождение и духовное преображение, а не как представление о месте вечных мук.

В книге «Загробные песни» образы неба и рая тесно связаны с концепцией «пространства веры»: «Смерть любил, я смерти верил, // Я был безумно убеждён, // Что ум, который небо мерил, // Не может быть похоронён!» (LIX «В том мире») [Случевский 2004: 438]. Поэт убеждён в неуничтожимости духа и разума. Ум, «который небо мерил», — это ум, стремящийся к высшим знаниям, к пониманию Вселенной. Поэт утверждает, что такой ум не может быть «похоронен»,

то есть подвержен физической смерти. Он убеждён, что души в загробном мире обладают теми же качествами, что и при жизни, — цветом, движением, голосом, что подтверждает их непрерывное существование. И после смерти душа продолжает свой путь в другом измерении, в более тонких и изысканных формах бытия. «Именно так, в таком тоне, — замечает критик Д.Н. Михайлов, — Случевский ощущает безусловную реальность иного мира» [Михайлов 1905: 484].

В цикле «В том мире» география загробного мира раскрывается в полной мере. Здесь поэт строит метафорическую карту загробного мира, которая выходит за рамки земных представлений и образует свою уникальную космологию. Загробный мир воспринимается как бесконечное пространство, где душа путешествует, сталкиваясь с различными сущностями, символами и явлениями, которые открывают ей новые аспекты существования и смыслы бытия, позволяет по-новому осмыслить вечные вопросы добра, зла, совести, молитвы, надежды и веры. Эти встречи и размышления символизируют духовное развитие и просветление лирического героя, его стремление к пониманию универсальных истин. Случевский идёт дальше, утверждая, что поэт может «отважиться даже в невозможное». Это не просто вызов устоявшимся представлениям, но и демонстрация веры в безграничные возможности человеческой мысли и духа. Путешествие по путям мысли становится для души способом освободиться от оков реальности, исследовать неизведанные территории существования и прикоснуться к вечности. «Любы мне мыслей пути!» — восклицает поэт, подчёркивая свою страсть к интеллектуальным и духовным странствиям. Случевский видит в этих путешествиях не только способ познания мира, но и путь к самопознанию, к осмыслению своей судьбы и места во вселенском порядке. Даже в преддверии смерти, когда тело обречено на уничтожение, душа продолжает свой

путь, исследуя бесконечные пространства бытия.

В циклах «Загробные песни» и «В том мире» Случевский показывает, что истинный смысл жизни не связан с земными, тленными вещами, а находится на более высоком, метафизическом уровне. Поэт призывает верить в то, что за пределами земной жизни существует что-то большее, что каждый момент жизни наполнен более глубоким смыслом, который может быть понят лишь с высоты загробного мира. В стихотворении, где поэт говорит о своём видении падающих звезд, Случевский создаёт метафору путешествия души сквозь космические просторы. Окружённый звёздами, он не теряет своей индивидуальности, споря «взглядами своими // С их непомерной быстротой» [Случевский 2004: 396]. Это путешествие символизирует стремление души проникнуть в тайны Вселенной, понять её законы и найти своё место среди звёздных миров. В космосе, в этом бескрайнем и мистическом локусе, поэт находит не просто фон для своих размышлений, но и средоточие глубочайших философских идей. В его стихах космос выступает не только как физическое пространство, но и как ирреальный, созданный воображением мир, где переплетаются реальность и метафизика, земное и небесное, временное и вечное. В стихотворении XXXIII Случевский задаёт вопрос об уникальности Земли во Вселенной: «Есть ли права у земли быть единой избранной // В тысячах звезд; чтоб бессмертные люди взрастали // Только на ней лишь, излюбленно-обетованной?» (XXXIII «В том мире») [Случевский 2004: 381]. Эти строки отражают глубокий вопрос о месте человечества в космосе, о том, действительно ли Земля — единственное убежище жизни или же великая Вселенная скрывает в себе иные миры, способные поддерживать разумную жизнь. Поэт размышляет о том, что земля, возможно, не единственное место, способное дать начало и поддерживать жизнь, как это выражено в строках:

«И почему же не жить на бесчисленных планетах // Людям бессмертным, как мы?...» (XXXIII «В том мире») [Случевский 2004: 381]. Эта мысль провоцирует размышления о бесконечности космоса и потенциальном многообразии форм жизни, что делает вселенную не просто физическим пространством, но и бесконечным полем для философских исследований и поэтического вдохновения. В другом отрывке, где поэт описывает свой вход в «великую бурю», космос становится метафорой внутреннего мира, его бурь и волнений. Стихи: «И недавно, спускаясь к земле, // Давней смерти моей в годовщину, // Я в великую бурю вошел» (XVI «Загробные песни») [Случевский 2004: 394] — это иллюстрация того, как космические явления могут отражать глубинные переживания души, делая космос ирреальным пространством для исследования человеческой природы. Космос в стихах Случевского — это не просто декорация, но и активный участник диалога, пространство, где происходит столкновение идей, взглядов, чувств и философий. Это локус, где вопросы о существовании, о смысле жизни и о бессмертии не только задаются, но и находят своё отражение в бескрайних просторах Вселенной, приглашая читателя к размышлению о величии мира и своём месте в нем. Случевский не просто расширяет пространство своей поэзии до космических масштабов, но и стремится показать, что понимание сущности бытия, его истинного значения, возможно только когда человек освободится от земных оков и взглянет на мир глазами души, уже находящейся в «том мире». Случевский утверждает: «Мы всюду, всюду проникаем! // Нам думы всех умов земли, // Весь бред умов, как путь знакомый, // Открыты! Мы путём тем шли!» [Случевский 2004: 449]. Эти строки подчёркивают всепроникающее присутствие души, которая уже перешагнула границы смерти и теперь обладает знанием, недоступным живущим. Поэт выражает идею о том, что после смерти душа обретает свободу

от земных уз и ограничений, проникая в суть всех вещей и понимая их истинное значение. Завершая свою поэтическую книгу, Случевский призывает: «Верь, смертный! // Нас, что миг, то больше! // Мы — в плод идущие цветы... // Ты взглянешь, будет день, отсюда, // И смысл всего познаешь ты...» (LXXVIII «В том мире») [Случевский 2004: 449]. Эти строки вселяют утешение и надежду на то, что смертный человек сможет преодолеть все земные ограничения и увидеть истинный смысл существования: он откроется в загробном мире, в космосе души, где каждый момент наполнен глубоким значением и связью со всем сущим.

Заключение

В заключении хочется особо подчеркнуть, что поэтическая книга Случевского «Загробные песни» представляет собой глубоко символическое и аллегорическое путешествие души через смерть к бессмертию, открывая перед читателем многоуровневое пространство духовного поиска и самопознания. Первый этап этого путешествия, «Смерть и бессмертие», фокусируется на переходном моменте ухода из жизни и размышлениях о бессмертии, где смерть предстаёт не как

окончательный финал, а как начало нового пути души к освобождению и гармонии. Вторая часть, цикл «Загробные песни», углубляет размышления о послемертии, представляя душу на пороге загробного мира, где она встречается с новыми ощущениями и воспоминаниями о земной жизни, что символизирует её странствия в поисках глубинного понимания собственной судьбы. Заключительная часть, «В том мире», раскрывает тему загробных встреч и размышлений души о добре, зле и совести, свидетельствуя о достижении определенного уровня духовного просветления и нового видения мира. Таким образом, книга «Загробные песни» Случевского представляет собой текст, позволяющий читателю проследить за путешествием души в поисках сущности бытия и «пространства веры». Поэтическая книга вносит значительный вклад в русскую литературную традицию, предлагая уникальный взгляд на метафизические вопросы, разрабатывая новый поэтический язык для их выражения и изображения потусторонней действительности в зависимости от этапов путешествия по загробным пространствам души, постепенно восходящей от «нижних» локусов («могила», «ад») к высшим («небо», «рай»).

Приложение 1

Иерархия наиболее значимых локусов в книге «Загробные песни»

№	Наименование	Характеристика
1	Могила	Связующее звено между миром живых и миром мёртвых
2	Дверь / порог	Открывает путь в загробный мир
3	Путь	Переход от физического мира к духовному или потустороннему существованию
4	Ад (Подземелье)	Это самая глубокая часть подземного мира, где заключены души величайших грешников
5	Небо и рай	Связь с божественным и символ духовного вознесения

Литература

1. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Новый мир. 1990. № 1. С. 216–223.
2. Дантовские чтения / Общ. ред. А.А. Илюшина / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры. Дантовская комиссия, 1995. Вып. 10. М.: Наука, 1996. 239 с.
3. Домогацкая Е.Г. «СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович (1837–1904)». Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940), 2003. С. 77–80.

4. Зарин А. Из воспоминаний о К.К. Случевском // Биржевые ведомости. 1904. № 1. С. 493.
5. Ипполитова А.Ю. Случевский: философия, поэтика, интерпретация. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2006. 320 с.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд. М.: Искусство, 1995. 370 с.
7. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992.
8. Лотман Ю.М. Проблемы художественного пространства в прозе Н.В. Гоголя // Труды по русской славянской филологии. Тарту, 1968. Вып. 202. С. 5–50.
9. Михайлов Д.Н. Очерки русской поэзии XIX в. Тифлис, 1905. 616 с.
10. Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
11. Ольшевская-Хатценбёллер Ю. «Творческая личность в российской культуре конца XIX — начала XX веков. Духовные и религиозно-философские основания эпохи рубежа // МузееМания. 20.05.2020. URL: <https://muzeemania.ru/2020/05/20> (дата обращения: 05.04.2024).
12. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. СПб., 2004. 816 с.
13. Случевский К.К. Явления русской жизни под критикою эстетики. Т. 3. СПб., 1866–1867.
14. Соловьёв В.С. Импрессионизм мысли. Стихотворения К. Случевского. Кн. 1–4. 1880–1890 // Соловьёв В.С. Собрание сочинений. Т. 9. 2-е изд. СПб., 1913. С. 77–83.
15. Тахо-Годи Е.А. Валгалла Константина Случевского, или Вечный дебют // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. СПб., 2004. С. 5–34.
16. Тахо-Годи Е.А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с.
17. Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 352–353.

The Space of Faith: Hierarchy of Loci in K.K. Sluchevsky's "Afterlife Songs"

Chen Fangming,

Postgraduate student

Lomonosov Moscow State University

E-mail: fangming1378@gmail.com

This article is dedicated to the work of K.K. Sluchevsky and provides a comprehensive analysis of his poetic book «Afterlife Songs». The main objective of the study is to investigate the hierarchy of loci and determine the role of the «space of faith» in this work. The lexicon, metaphors, and stylistic devices employed by the author to form the «space» of the afterlife are analyzed. The structure of the «space of faith» in «Afterlife Songs» is reconstructed. Attention is focused on the peculiarities of the composition and narrative structure of the work, which characterizes the uniqueness of Sluchevsky's construction of the poetic text. The study contributes to the exploration of this poetic book by offering a new interpretation.

Key words: Sluchevsky, «Afterlife Songs», space of faith, hierarchy of loci.

Статья подана 01 мая 2024 г.

Одобрена к публикации 15 июня 2024 г.